

ЮНОША С ГРОБОМ ИЛИ КОРОНА ЭЛЬФИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

18+

Михаил Поляков

**Юноша с гробом, или
Корона эльфийской империи**

«Автор»

2026

Поляков М.

Юноша с гробом, или Корона эльфийской империи /
М. Поляков — «Автор», 2026

Испания, середина XVII века, мир в котором есть эльфы. Молодой человек сходит с корабля в портовом городе с необычной ношей — гробом на плече. Его появление станет искрой, которая навсегда изменит жизнь одного могущественного семейства и всей планеты. Здесь переплелись судьбы людей и эльфов. События происходят в мире романа «Плоть эльфа» спустя 43 года. Текст постоянно дополняется, планируемый объём книги 10 авторских листов.

© Поляков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Возвращение мёртвой	5
Глава 2: Допрос трупа	14
Глава 3: Королева эльфов	17
Глава 4: Японские эльфы	20
Глава 5: Испанский меч в эльфийской руке	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юноша с гробом, или Корона эльфийской империи

Глава 1: Возвращение мёртвой

Испанское королевство, средиземноморское побережье, лето 1652 года от Рождества Христова.

Солнце стояло в зените, раскалив черепичные крыши города Аликанте до состояния печных изразцов. Порт, обычно шумный, словно вымер в час священного полуденного отдыха — сиесты. Лишь ленивые мухи вились над лужами протухшей рыбьей требухи. Воздух, густой от запаха соли, тины и жареного миндаля, дрожал маревом.

В этот вязкий полуденный сон ворвалась небольшая шхуна. Она причалила к молу почти бесшумно, лишь сухо щёлкнули причальные канаты да тоскливо скрипнула сосна мачты. Матросы, смуглые люди с мозолистыми руками и в промасленных безрукавках, перебросятся парой коротких фраз на смеси итальянского и испанского наречий, после чего по трапу, гулко отбивая шаг, сошёл на берег молодой человек.

Первое, что бросалось в глаза — его стать. Высокий, ладно скроенный, с широкими плечами атлета и тонкой талией фехтовальщика. Одет он был бедно, но опрятно: тёмно-серый камзол без кружев, поношенные сапоги из мягкой кожи, на боку — шпага с простой рукоятью. Правильные, чёткие черты лица: прямой нос, ровный подбородок, лёгкая улыбка на губах. Глаза большие, карие, смотревшие на всё с искоркой юмора.

Волосы он носил длинными. Модники при дворе так уже лет двадцать не делали. Но юноше, казалось, не было до этого дела. Чёрные, как смоль, они падали на плечи. Пересекала их короткая, абсолютно седая прядь над левым виском. В те суеверные времена такую отметину считали дурным знаком: будто сама судьба метит ею тех, кому выпало великое горе или страшная вина. Глядя на неё, даже видавшие виды матросы тревожно крестились и сплёвывали через плечо, от греха подальше.

Впрочем, пугала не столько прядь, сколько ноша юноши. На правом плече он держал обитый чёрным сукном гроб.

Вслед за ним, кряхтя, сошёл его спутник — пожилой человек невысокого роста, коренастый. Одет он был ещё беднее: выцветший плащ, шляпа, надвинутая так низко, что под полями угадывались лишь хищный нос и жёсткая седая щетина. В каждой руке он нёс по кожаному баулу. Возможно, слуга или старый дядька, что растил этого юного силача с колыбели.

Они встретились взглядами. Старший показал глазами в сторону пыльной улицы, уходящей от порта вверх, к богатым кварталам. Юноша, чуть поправив свою мрачную ношу на плече, согласно кивнул.

Редкие прохожие — старуха в чёрном покрывале, что тащила кувшин с водой, да сонный стражник, прячущийся в тени арки, — провожали их недоумёнными взглядами. Ещё бы: солнечный блик, скользящий по чёрному бархату гроба, в этом ослепительном сиянии жизни смотрелся дьявольским наваждением. Юноша с живым любопытством разглядывал кованые балконы и вывески лавок — он явно никогда не бывал в этом городе. Старик же, наоборот, окидывал улицы холодным, оценивающим взглядом, особо обращая внимания на богатые дома.

Наконец они остановились перед домом, который скорее можно было бы назвать дворцом. За высоким забором из грубо тёсаного камня, увитым диким виноградом, угадывался двухэтажный особняк с зубчатой башней. Герб над воротами, высеченный из розового мрамора, не оставлял сомнений в знатности хозяина.

Юноша, не выпуская гроба, взялся за тяжёлое железное кольцо в пасти бронзового льва и ударил трижды. Звук гулко раскатился по пустынной улочке.

Долго не открывали. Наконец за дверью раздалось гулкое шарканье туфель. Заскрежетал засов, приоткрылось маленькое окошко, забранное частой решёткой, и оттуда выглянули два заспанных, воспалённых глаза старого дворецкого.

— Что надо? — прошамкал он сиплым со сна голосом. — Сиеста, с ума вы сошли...

Молодой человек, всё ещё держа на плече гроб, произнёс спокойно, но с лёгким, певучим говором, выдававшим юг Италии:

— Объяви господину дону Хайме, что я, Алессандро Фальконе, принёс тело его дочери, доньи Анны, да упокоит Господь её душу.

Глаза в окошке округлились. Дворецкий уставился на гроб, потом перевёл взгляд на странную седую прядь юноши, перекрестился, после чего окошко с грохотом захлопнулось. Внутри послышался топот убегающих ног и испуганный шёпот.

Прошло не более пяти минут, показавшихся вечностью. Дверь распахнулась, и парочку впустили внутрь. В прохладных сумерках передней, где пахло воском и ладаном, их встретили полдюжины слуг в чёрных ливреях, с лицами, бледными от ужаса и любопытства. Когда двое слуг попытались подхватить гроб, юноша отрицательно покачал головой.

— Не надо. Я поклялся матери: до самого порога церкви её будут нести только мои руки.

Их провели вглубь дворца через длинный, сводчатый коридор и вывели в большую залу, увешанную картинами в тяжёлых рамах из чёрного дерева. Тут были и библейские сцены, и батальные полотна. По знаку дворецкого двое слуг принесли простую дубовую скамью, на которую и водрузили гроб.

Через несколько минут в конце залы скрипнула дверь.

Вошедших было двое. Мужчина и женщина. Обоим далеко за пятьдесят. Оба в чёрном, без единого украшения, если не считать золотого распятия на груди у госпожи. Мужчина — хозяин дома — был ещё крепок: широкие плечи, военная выправка, суровое надменное лицо, изрезанное шрамами. Его волосы, некогда чёрные, тронула обильная седина, но одна прядь у виска была совершенно белой. Его взгляд, твёрдый и властный, сейчас метался между гробом и гостем.

Женщина, судя по всему, супруга хозяина дома, когда-то, должно быть, была очень красива. Возраст не пощадил её, и под глазами проглядывали тёмные круги, а у губ залегла горькая складка. Но осанка осталась горделивая, как у истинной грандессы. Только пальцы нервно перебирали край чёрной шали, накинутой на плечи, да взволнованный взгляд не отрывался от чёрного гроба.

Юноша почтительно, по всем правилам, но без унижения, склонился в глубоком поклоне. Его голос, мягкий и низкий, звучал с явным сицилийским говором.

— Меня зовут Алессандро Фальконе, — произнёс он. — Я прибыл из Палермо. Пять лет назад моя матушка, — тут он чуть запнулся, — отошла к Господу. Умирая, она взяла с меня клятву, что я отвезу её тело в отчий дом, дабы прах упокоился в земле предков. Она передала мне письмо и наказала вручить его лично в руки дону Хайме или донье Элеоноре. А если их уже нет в живых, то кому-нибудь из ближней родни. Сразу выполнить её желание не получилось, практически сразу в бою с турками погиб отец. Ныне я держу путь в университет Саламанки, дабы постигать науки, как хотел батюшка, и решил, что негоже более откладывать священный долг.

Пока он говорил, хозяин и хозяйка не сводили с него глаз. Изучали каждую черту: разрез глаз, форму подбородка, губ. И каждый раз их взгляды останавливались на седой пряди. Точно такая же была у хозяина дворца.

Закончив, юноша приблизился к господину и протянул сложенный лист плотной бумаги, запечатанный сургучом. Дрожащей рукой дон Хайме сломал печать, развернул письмо. Супруга, позабыв о приличиях, припала к его плечу, жадно вчитываясь.

Мёртвая тишина залы нарушалась лишь всхлипами, которые становились всё громче.

Алессандро стоял неподвижно, как изваяние, опустив очи долу. Его спутник-дядька, словно тень, замер у двери, положив руки на баулы.

И вот тогда, когда дочитаны были последние строки, подписанные знакомым, полузабытым почерком, хозяйка не выдержала. Слезы, долго сдерживаемые, потоком хлынули по её впалым щекам. Дон Хайме же стоял недвижимо, только рука, сжимавшая письмо, мелко дрожала, да побелели костяшки пальцев. Он молчал долго, глядя на гроб, потом перекрестился и глухо вымолвил:

— Двадцать лет мы не знали о её судьбе. Двадцать лет жили надеждой.

И только тогда, отвернувшись к стене, старый воин позволил себе смахнуть слезу — одну, — после чего посмотрел на юношу.

В первой строке письма, выведенной дрожащей рукой их дочери, пропавшей двадцать лет назад вместе с кораблём, что вёз её к жениху, было написано: «Дорогие мои родители. Это ваш внук, Алессандро...»

Поздно вечером, отослав всех домочадцев, дон Хайме с Алессандро сидели одни за большим столом при свечах. Только в углу, не вмешиваясь в беседу мужчин, расположилась донна Элеонора и что-то вышивала, постоянно бросая взгляд на неожиданно объявившегося внука.

Свечи оплывали, оставляя на подсвечниках длинные восковые наплывы. Тени метались по стенам, оживляя батальные сцены на гобеленах, и в этом дрожащем свете старые раны на лице донна Хайме казались глубже, чем были на самом деле. Он держал в руке бокал, каких не делал ни один человеческий мастер. Стекло — если это вообще можно было назвать стеклом — переливалось в свете свечей мягким, живым отсветом, и в глубине его, казалось, застыло сияние лунной ночи. Ни единого пузырька, ни малейшего помутнения — только гладкая, прохладная поверхность, которая струилась в пальцах, словно застывшая вода, навсегда пойманная в эту удивительную форму. Форму, которую не повторить ни одному стеклодуву мира, потому что делали её не люди. Эльфийская работа. В каждой грани, в каждом изгибе чувствовалась рука мастера, способного вдохнуть жизнь в прозрачную гладь, превратив её в нечто большее, чем просто стекло.

Дон Хайме держал бокал бережно, почти не касаясь пальцами хрупкой ножки, и в этом жесте чувствовалась привычка человека, который знал цену редким вещам и умел ценить красоту, даже когда всё остальное в его жизни давно поблекло и утратило прежний блеск. Красное вино, тяжёлое и густое, как кровь, плескалось в бокале, и гранд смотрел сквозь него на огонь свечи, будто надеясь разглядеть в этой багровой глубине ответы на вопросы, которые мучили его двадцать лет назад.

— Твоя мать была чудесным ребёнком, — начал он, и голос его, привыкший отдавать приказы, вдруг стал тихим, почти человеческим. — Настоящая отрада родителям. Послушная, весёлая, её звонкий смех делал этот дом самым счастливым местом в мире. Красотой она пошла в донну Элеонору и даже превзошла её. Мы надеялись, что Анну ждёт долгая и счастливая жизнь.

Алессандро слушал, не перебивая. Он сидел напротив деда, и только пальцы, сжимавшие ножку бокала, чуть заметно побелели. В углу бесшумно двигалась игла донны Элеоноры, но вышивка, казалось, не продвигалась ни на стежок.

— Партия, которую я ей подобрал, делала наш род одним из самых могущественных в королевстве, — продолжал дон Хайме, и в его голосе послышалась старая, давно выгоревшая горечь. — Знатностью мы не уступаем королям, а вот богатство наши предки сохранить не

смогли. Да, на военной службе у обоих Филиппов — и третьего, и четвёртого — я хорошо проявил себя, был приближен к трону, наши дела поправились. Но брак твоей матери вознёс бы нас на ещё большую высоту. Дело оставалось за малым.

Он сделал долгий глоток, и кадык его тяжело двинулся под загорелой, изрезанной морщинами кожей.

— Когда настало время, я отправил дочь к жениху. Но корабль, на котором она поплыла, пропал. Как я корил себя, что доверил её жизнь столь непостоянной стихии, как море. Сколько денег потратил, чтобы узнать хоть что-то о её судьбе, но всё было тщетно. Я смирился.

Он поставил бокал на стол и уставился на пламя свечи.

— Да, мой сын, твой дядя унаследует богатое наследство. Но если бы Анна вышла замуж, он стоял бы по праву рядом с королевским тронном. Наше имя гремело бы на всю Европу, а знатнейшие семьи христианского мира почитали бы за честь породниться с нами.

Донна Элеонора, не поднимая головы, отложила вышивку. Её руки, тонкие, с поплёкшей кожей, бессильно упали на колени.

— Впрочем, я не привык опускать руки под ударами судьбы, — голос дон Хайме снова обрёл твёрдость. — Когда король Филипп Четвёртый призвал меня и предложил возглавить нашу австралийскую армию, я понимал: это ещё один шанс. Дети короля мёрли один за другим. Судьба династии вызывала всё больше опасения. А австралийские эльфы могли дать снадобья, способные вдохнуть жизнь в порченную близкородственными браками кровь Габсбургов. Ты же знаешь — длинноухие цепко держат нас на привязи своим волшебным зельем. Я согласился не раздумывая. Заслуга в продолжении рода короля позволила бы мне не только подняться на ещё одну ступеньку, но и, чем чёрт не шутит, подвинуть всеильного Оливареса и занять его место.

Алессандро подался вперёд, и в его карих глазах был виден живой интерес к рассказу деда.

— Ты многое знаешь об Австралии? — спросил дон Хайме.

— Откуда? — усмехнулся юноша. — В своём захолустье нам не до дальних земель. Так, кое-что рассказывали знакомые моряки. Да и то больше байки для ушей, чем правда.

— Вот и я не очень представлял, в какой гадюшник влезаю, — сказал старый гранд, и в его голосе прозвучала тяжёлая, давно выстрадавшая умудрённость. — Самомнения длинноухим не занимать, да и что скрывать — знают они поболее нашего, особенно во всяких зельях и выведении животных. Но это не помешало им передрасться хуже, чем нам с голландцами и англичанами, несмотря на свою хвалёную мудрость и бессмертие.

Дон Хайме налил себе ещё вина, не предложив внуку. Впрочем тот и не ждал.

— Мы решили сделать ставку на самое большое и сильное королевство — Эрин Линд, — продолжал старый гранд. — Сначала всё шло хорошо. Наши терции вдребезги разбили миф о непобедимой фаланге горных эльфов, а артиллерия повыбила их гигантских троллей. Мы вышвырнули захватчиков из лесов королевства и пришли на их землю. Но как только упёрлись в горы, начались проблемы.

Он с силой сжал бокал, и вино плеснулось к краям.

— Горные твердыни королевства Эред-Нимрайс, оснащённые турецкой и голландской артиллерией, нам оказались не по зубам. Не лезть же в степи и пустыни, где царствовала птичья кавалерия Гонд-Кхарна, нам хватило ума. Получился тупик. Никто не мог взять верх. То мы у них отобьём какую-нибудь мелкую крепость, то они нашу.

В углу донна Элеонора чуть слышно вздохнула. Её пальцы, белые и тонкие, теребили край вышивки.

— Но вечно продолжаться так не могло, — дон Хайме понизил голос, словно боялся, что стены дворца имеют уши. — Не знаю, что уж предложили китайцам, но они ударили нам в спину. Фронт посыпался, и наши армии покатались назад. Снова шла резня под кронами лесов,

только теперь, кроме горных и степных эльфов с турками и голландцами, на нас навалились и китайцы. Запахло поражением. Мы напрягали все силы, в ход пошли последние резервы. Заповедные рощи, которые эльфы берегли столетиями, вырубались под корень и превращались в непроходимые засеки. А там, где лес кончался и начиналась степь, в ход пошёл огонь. Сухая трава вспыхивала в считанные мгновения, и ветер нёс пламя на многие мили, оставляя за собой лишь чёрную, выжженную пустошь. Враг не находил здесь ни укрытия, ни пропитания — только пепел.

Он замолчал, глядя куда-то в темноту за окном, где за высокими стенами дворца спал город, ничего не знавший о том, что творится на другом конце света.

— И тут мы с королевой решили применить старое средство: хочешь победить врага — бей в голову, — он перевёл взгляд на Алессандро, и в этом взгляде, усталом и тяжёлом, мелькнуло что-то похожее на усмешку. — И мы предложили горным и степным переговоры. А чтобы те не особо кочевряжились, намекнули на серьёзные уступки. Половину я сам не понял каких, но для эльфов это было важно. В общем, наживку они заглотнули, дело осталось за малым — подготовить ловушку.

Дон Хайме отпил ещё глоток, и вино в бокале дрогнуло, отразив блик догорающей свечи.

— Оказывается, при конфликтах у длинноухих принято встречаться в каких-то специальных местах, что-то вроде священных. Мы сразу прикинули, в каких именно может состояться такая встреча на высшем уровне. Выходило, что три варианта. Дабы не рисковать, ловушки оборудовали во всех трёх. Всякие эльфийские варианты — с ядом, засадой — отбросили сразу: противнику они прекрасно известны. Решили не мудрствовать и просто заложили под каждым местом бочки с порохом. Заряд не пожалели — рвануть должно было так, что если не убьёт, то оглушит всех кто окажется рядом. В данной ситуации, оно и к лучшему, живой король-пленник лучше, чем мёртвый.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то звериное, хищное — то, что не исчезает даже спустя годы.

— В общем, провернули. Притом получилось даже интереснее, чем задумывалось. Ловушку, оказывается, не только мы готовили, но и нам. Вожди горных и лесных приехали первыми, с оговорённым количеством воинов. Мол, всё по-честному. А когда двинулся отряд с нашей королевой — как они думали, — по нему неожиданно ударила конница степняков. Притаились, оказывается, в каких-то пещерах неподалёку. Вот только наша королева в лагере осталась, а уничтожили не её, а обманку — фальшивую королеву.

Он помолчал, глядя на внука.

— Ну мы тогда с чистой совестью мину и взорвали. Рвануло знатно. Поубивало многих, в том числе короля горных. Степной, что характерно, выжил. Изувечило его сильно, но ты же знаешь, наверное, — на эльфах заживает, как на собаках. Впрочем, конечностей и глаз у него стало меньше.

Алессандро слушал, не отрывая взгляда, и в его карих глазах отражался неровный свет свечей.

— Именно тогда я и захватил самый ценный трофей, — сказал дон Хайме, и в голосе его вдруг появилась странная, почти благоговейная нотка. — Корону короля Орофера из Эред-Нимрайса. Её эльфы потом долго искали, буквально всё перерыли. Ценность она для них невероятную имеет. Но я её сразу, как нашёл, на свой корабль отослал, чтобы их маги её не учуяли.

Он посмотрел на бокал в своей руке, потом перевёл взгляд на внука.

— Корона и правда красоты невероятной. Ничего красивее в жизни не видал, а я, поверь, видел многое — и созданное людьми, и эльфами.

— И что, она сейчас у вас? — спросил Алессандро, и голос его прозвучал тише обычного.

— Да, Алессандро. Хочешь посмотреть?

— Конечно хочу!

Дон Хайме отставил бокал и поднялся из-за стола. Он уже немного покачивался от выпитого вина, но держался ещё твёрдо — старая военная выправка не подводила даже после лишнего.

— Ну пойдём, покажу. Только запомни: это страшная тайна. Ни одна живая душа про неё знать не должна.

Алессандро встал и, глядя деду прямо в глаза, произнёс твёрдо и спокойно:

— Клянусь памятью моей матери, честью моего рода и своей шпагой, что никому и никогда не скажу ни слова о том, что увижу этой ночью. Да лишит меня Господь Своей милости, если я нарушу эту клятву.

Дон Хайме внимательно посмотрел на внука, потом кивнул и направился к выходу из зала. Алессандро пошёл следом, и только в углу, у своих пяльцев, донна Элеонора проводила их долгим взглядом, но не проронила ни слова.

Они прошли по длинному, слабо освещённому коридору, миновали анфиладу комнат, где в полумраке угадывались тяжёлые дубовые шкафы и портреты предков. Дон Хайме шёл уверенно, не спотыкаясь, и казалось, вино вовсе не коснулось его ног. Наконец он подошёл к массивной двери в конце коридора, и они вошли в его кабинет.

Здесь пахло кожей, старыми книгами и чем-то ещё — сладковатым, пряным, неуловимым. Дон Хайме зажёл свечи на письменном столе и подошёл к высокому шкафу из чёрного дерева, отодвинул его с усилием, и за ним открылась дверца, вделанная в стену. Он снял со своей шеи тонкую серебряную цепочку, на которой висел маленький, искусно сделанный ключ, и открыл замок.

— Идём, — сказал старый гранд.

Они вошли в небольшое помещение без окон. Вдоль стен тянулись полки, уставленные шкатулками, ларцами, свёртками. Сверху, с потолка, свисала масляная лампа, которую дон Хайме зажёл от свечи. Жёлтый свет залил комнату, и Алессандро увидел сокровища.

Здесь было всё: золотые монеты в открытых сундуках, инкрустированные драгоценными камнями кубки, старинные медали, китайский фарфор, турецкая сабля с рукоятью из слоновой кости, какие-то диковинные статуэтки, свёрнутые в трубки карты. Но главное место, в самом центре, на отдельной полке, занимал металлический ящик — массивный, с каким-то хитрым замком.

Дон Хайме надавил на тайную кнопку — механизм внутри громко щёлкнул, и крышка ящика откинулась.

Алессандро невольно затаил дыхание.

На бархатной подушке, вбирая в себя свет лампы и возвращая его сотнями огней, лежала корона. Чёрное серебро, из которого она была сделана, казалось живым — оно переливалось, струилось, меняло оттенки в зависимости от того, под каким углом падал свет. Ни одного драгоценного камня — только тончайший, филигранный узор, напоминавший очертания горных пиков, покрывал её обод. Узор был таким сложным, таким точным, что казалось, человеческая рука не могла бы его повторить. Словно сама природа вырастила эту корону на вершине скалы, а не выковал мастер.

— Господи... — выдохнул Алессандро.

— Да, — тихо сказал дон Хайме. — Я тоже так сказал, когда впервые увидел.

Он не торопил внука. Алессандро стоял, вглядываясь в корону, и на его лице было то самое выражение, которое старый гранд помнил по себе — смесь восхищения, благоговения и странной, необъяснимой тоски. Словно глядя на эту вещь, созданную нечеловеческим умением, понимаешь, как мало ты сам значишь в этом мире.

— Она тёплая, — сказал удивлённо Алессандро, коснувшись короны. — Я думал, металл должен быть холодным.

— Может, и должен, — пожал плечами дон Хайме. — Но этот — нет. Может, потому, что корона волшебная.

Они молчали. Лампа мерно горела, и корона на бархате казалась живым существом, уснувшим на время, но готовым в любой момент проснуться.

— Красивее я ничего не видел, — тихо сказал Алессандро, и голос его звучал так, будто он говорил сам с собой. — Никогда.

Дон Хайме усмехнулся. Он был доволен. После чего закрыл крышку ящика, повернул рычаг, и механизм снова щёлкнул, запирая сокровище.

— Ну, хватит на сегодня, — сказал он. — Идём спать. Завтра нам с тобой предстоит долгий и важный разговор.

Они вышли из потайной комнаты, дон Хайме задвинул шкаф на место, и в кабинете снова стало тихо. Только свечи на столе догорали, оставляя на подсвечниках последние восковые наплывы.

— Спокойной ночи, дедушка, — сказал Алессандро у дверей комнаты, которую ему отвели.

— Спокойной ночи, — ответил дон Хайме. И добавил, глядя на тёмный коридор, в конце которого, где-то далеко, спала донна Элеонора: — Спокойной ночи, мальчик мой.

Он постоял ещё немного, прислушиваясь к шагам внука, потом медленно пошёл в свои покои, и в пустом коридоре старого дворца слышались только его тяжёлые шаги да тихое, едва уловимое дыхание стен, хранивших тайны, которые не расскажешь ни за один вечер.

По ночной улице испанского города шли два мужчины, каждый из них нёс по кожаному баулу. Выйдя из боковой улочки в порт, где не было ни души, они сели в лодку. Молодой мужчина с длинными чёрными волосами и с седой прядью на левом виске сел за вёсла и не спеша пошёл в сторону моря. Старший, коренастый, сел на скамью и разглядывал удаляющийся город. Уключины, обильно смазанные жиром, практически не издавали звука, так что всё происходило в полной тишине, и только шум волн не давал ей стать абсолютной.

Когда они выплыли за границу мола, молодой произнёс:

— Знаешь, Санчо, я до последнего не верил, что твой примитивный план заполучить сокровища с помощью мёртвой бабы выгорит.

— Не только, Алессандро. А письмо от Анны, написанное её почерком? А твоя обесцвеченная прядь? А твои повадки, как у донна Хайме, которые ты разучивал целый месяц? Какой же он примитивный? Мой план был гениален и изящен, но не примитивен. Во дворце всё прошло без приключений?

— Да. Дон Хайме долго мне рассказывал о моём великом будущем, которое он обеспечит. Когда вино с зельем подействовало и он заснул, мне осталось только забрать у него ключ от тайной комнаты и загрузить баулы сокровищами. Я даже ключ ему на шею обратно надел.

— Не жалко было уходить? Ведь ты мог стать аристократом и обрести влияние и богатство.

— Мне это не нужно. Да и прожить чужую жизнь, вечно опасаясь разоблачения... Нет, увольте. Впрочем, старики мне понравились. Я даже прощальное письмо им написал, что очень их люблю, но моё призвание — сражаться с турками. Так что на их деньги куплю военный корабль и прослаблю своё имя на всё Средиземноморье.

— Ну ты и скотина, врать-то зачем?

— Я дал им веру, что их внук — не вор и подонок, а сумасшедший мечтатель и рыцарь, готовый отдать жизнь во славу Испании и короля.

— Тебе жалко этого старого мясника? Да у него руки по локоть в крови.

— Возможно, но он храбрый солдат и достоин уважения. А уж донна Элеонора просто чудесная женщина. Мне до сих пор перед ней стыдно.

Лодка подплыла к ожидавшей их шхуне. Три матроса помогли Санчо и Алессандро подняться на борт вместе с тяжёлыми баулами. Алессандро вытащил из одного небольшой свёрток, а на остальное кивнул Санчо:

— Как договаривались: корона моя, всё остальное забираешь ты и твои люди. Куда поплывёшь?

— Думаю, в Амстердам или в Лондон. Надо всю эту ювелирку обратить в нормальные деньги.

В этот момент один из матросов попытался накинуть удавку на шею юноши. Однако тот явно был готов к такому обороту и, вынимая шпагу, ткнул ножами точно в кадык напавшего. Тот с хрипом полетел за борт. После чего Алессандро резким ударом шпаги вспорол живот Санчо. Далее, откуда-то взявшимися метательными ножами, он прикончил точными попаданиями в сердце и в глаз двух других матросов.

Вытерев шпагу от крови и вложив её в ножны, он присел подле Санчо, пытавшегося удержать кишки из распоротого живота. Под тем уже натекла большая лужа крови.

— Ну и зачем? Ведь ты получил все сокровища, мне нужна была только корона. Этих богатств тебе хватило бы, чтобы осуществить свою мечту и стать губернатором острова, обзавестись титулом, семейством и окончить свои дни в неге и почёте.

Санчо поднял на Алессандро глаза и, с трудом ворочая языком, прохрипел:

— Румэндил приказал. Обещал, если достану корону — бессмертие, как у эльфов.

— О как. Коллега из Гонд-Кхарна? Я тебя разочарую. Он тебе соврал и даже два раза. Ты слишком стар, и даже наши зелья тебе уже не помогут. Так, только поправили бы здоровье и немного продлили жизнь. Ну и эльфы не бессмертны. Мы, конечно, долго живём, но всё же не бесконечно.

Санчо внимательно посмотрел на юношу и заплетающимся языком произнёс:

— Ты эльф?

Тот утвердительно кивнул головой.

— Думаешь, почему я длинные волосы ношу, как мужлан? Чтобы шрамов не было видно. Пришлось уши подрезать, чтобы себя не выдать.

Санчо прохрипел:

— Кровь. Дай. Свою кровь.

— Мою кровь? — в голосе Алессандро мелькнула печальная ирония. — Боюсь, с такой раной даже кровь эльфов тебе уже не поможет. Впрочем, моя для тебя бесполезна. Я, как видишь, прошёл ряд трансформаций, чтобы походить на человека, и она лишена целебных свойств для людей.

Санчо пристально посмотрел на юношу, закрыл глаза и испустил дух.

Алессандро оглянулся. На шхуне он остался один в окружении покойников. Подойдя к своей сумке, достал оттуда небольшой кристалл, заключённый в корпус из золотистого металла, украшенный рунами, и, произнеся короткое заклинание, активировал его. Тот начал с определённой ритмичностью испускать свет.

Через какое-то время в море появилась точка. Она стремительно приближалась, пока не стало понятно, что это корабль. Но он не принадлежал людям. Его явно построила раса, достигшая большего умения и знания. Прозрачные паруса, изящный корпус — всё говорило о принадлежности к цивилизации эльфов.

Когда корабли оказались рядом, с борта прибывшего судна к Алессандро обратился один из находившихся там эльфов.

— Приветствую, Эредор. У нас всё хорошо? Корона у тебя?

— Да, Сэлигор. Корона наша.

— Поздравляю, лейтенант. Впрочем, уже бывший. Тебе присвоено внеочередное звание капитана тайной службы его величества короля Карниона. Кроме того, тебя ждут и другие награды. Но об этом король сообщит тебе уже лично.

Эриндор склонил голову в лёгком, но исполненном достоинства поклоне, каким эльфы приветствуют высших по званию, и ответил:

— Служу королю и народу. Честь для меня — исполнять волю его величества и приносить пользу Эред-Нимрайсу.

Сэлигор, бледный, с иссиня-чёрными волосами, едва заметно улыбнулся уголком губ.

— Достойный ответ. Поднимайся на борт, капитан. Нам нужно доставить корону королю, а тебя привести в порядок после столь долгого пребывания среди людей.

Эриндор перешагнул через тело Санчо, взял свёрток с короной, а также два баула с сокровищами и, легко перепрыгнув на борт эльфийского корабля, оглянулся на шхуну с мёртвыми телами.

— А с этим что делать? — спросил он.

— Ничего, — ответил Сэлигор. — Пусть плывёт. Когда её найдут, решат, что очередная банда не поделила добычу. Такое случается. А мы своё получили.

Эльфийский корабль бесшумно развернулся, его прозрачные паруса наполнились ветром, и он скользнул в ночь, растворяясь в темноте, как призрак. Волны мягко покачивали судно, унося его всё дальше от берега, и только уже проснувшиеся чайки стали первыми свидетелями того, что здесь произошло.

Глава 2: Допрос трупа

Чайки ещё не успели решиться сесть на шхуну и проверить, есть ли на ней что-то съедобное, как на горизонте снова показалась точка. Когда она приблизилась, любой живой свидетель наверняка принял бы её за возвращающийся корабль эльфов. Но он ошибся — судно действительно принадлежало длинноухим, однако небольшие отличия в оснастке выдавали в нём другое, новое.

Рулевой ловко развернул корабль и причалил к борту шхуны. На палубу бесшумно запрыгнули три эльфа и настороженно огляделись. Старший из них, с рыжими волосами по имени Румэндил, произнёс мрачным голосом:

— Не успели. Совсем немного. Они ещё тёплые.

— Да, недавно отмучились, — отозвался один из подчинённых.

Все трое вгляделись в горизонт, надеясь заметить парус конкурентов, но тщетно. Утренний туман и предрассветный сумрак лишали всякой надежды переиграть партию.

— Лаэгор, неси медузу, — приказал Румэндил.

— Хорошо, — кивнул тот и вернулся на свой корабль.

Через пару минут он вернулся с деревянным ящиком, густо исписанным загадочными рунами, поставил его на палубу и извлёк оттуда контейнер из чёрного стекла, оплетённый металлической решёткой. Рядом с ним он положил длинные перчатки из серебристой ткани и такой же фартук, закрывавший тело от горла до самых щиколоток. Лаэгор быстро облачился в защитное снаряжение и спросил:

— Румэндил, на кого сажать?

— На Санчо, — командир кивнул на труп с распоротым животом, из которого вывалились кишки. — Он, судя по всему, последний здесь испустил дух и истёк кровью. Те двое матросов умерли мгновенно. Кстати, не хватает третьего, и Алессандро исчез. Думаю, неспроста. Подозреваю, из-за золота передрались.

Лаэгор нажал на замок и крайне медленно приоткрыл крышку контейнера. Вытянув руки, стараясь держать лицо как можно дальше, он погрузил их внутрь. Всё так же неспешно, затаив дыхание, достал студнеобразную, голубоватую, прозрачную субстанцию. Не сгибая локтей, плавно, без единого лишнего движения приблизился к трупу Санчо и аккуратно поместил голубой студень прямо на лицо мертвеца. После чего отступил на шаг и глубоко выдохнул.

Румэндил и второй подчинённый, стоявший рядом, наблюдали в полной тишине, не сводя глаз с процедуры. Хотя эльфам не свойственна брезгливость, сейчас именно это чувство угадывалось на их лицах.

Студень — его прозвали медузой за сходство — недолго оставался неподвижным. По массе пробежали пульсации, внутри оболочки что-то перетекало. Субстанция оживала. Затем она начала плотнее облегать лицо мертвеца и постепенно, через рот и ноздри, проникать внутрь головы. Разделившись на три части, медуза полностью скрылась из виду.

Сначала ничего не происходило, но вскоре под кожей обозначились плавные движения. Сама кожа постепенно приобрела голубоватый оттенок.

Внезапно тело Санчо сотрясла судорога, затем ещё одна. После этого оно замерло. Несколько минут ничего не менялось. Потом глаза резко распахнулись. Это уже не были глаза живого человека — два холодных голубых пятна, в которых уже было трудно различить зрачок от белка.

Румэндил, по-прежнему держась на расстоянии, спросил:

— Санчо, ты меня слышишь?

Труп заговорил шипящим, едва членораздельным голосом, словно заново учился выговаривать слова:

— Да.

— Кто убил тебя и твоих людей?

Мёртвый Санчо помедлил, затем выдавил:

— Алессандро.

— Вы нашли корону?

— Да.

Румэндил резко сжал кулаки, и в его голосе прозвучала неприкрытая злоба:

— Так и знал, что это старый хрен Хайме её украл. Надо было сразу его выпотрошить.

— Он на миг задумался. — Вы попытались отобрать корону у Алессандро?

— Да, но он перебил нас всех.

— Ловкий поганец. Не ожидал от него такой прыти. Куда он делся?

— За ним приплыли эльфы.

Румэндил удивлённо вскинул бровь.

— Ты уверен?

Мертвец подтвердил тем же шипением:

— Да. Алессандро сам эльф.

Все трое переглянулись в изумлении. В этот момент лицо Санчо исказила череда странных гримас.

— Надо торопиться, — сказал второй подчинённый, до этого молчавший.

Румэндил кивнул.

— Санчо, приплывшие эльфы и Алессандро о чём-то говорили?

— Да. Алессандро зовут Эредор. Он лейтенант тайной службы короля Карниона.

Румэндил скривился, словно от зубной боли. Мертвец продолжал:

— Добыв корону, стал капитаном. Приплывшего эльфа зовут Сэлигор. Он сказал, что они должны отвезти корону королю. После они уплыли.

— Почему ты решил, что Алессандро-Эредор — эльф?

— Он сам так сказал, — прошелестел Санчо.

— Мы его проверяли, он человек.

— Сказал, что прошёл трансформацию и обрезал уши. Что его кровь утратила целебные свойства и не спасла бы меня.

По лицу трупа снова пробежали судороги, кончики пальцев задрожали. Глаза задвигались быстрее. Санчо уставился своим голубоватым, леденящим взглядом на Румэндила и прошипел:

— Ты обещал мне вечную жизнь.

— Как видишь, не обманул, — ответил тот с лёгкой усмешкой. — Ты умер, но продолжаешь существовать. Мы, эльфы, не обманываем друг друга.

— Я не эльф, — возразил мертвец всё тем же жутким голосом.

— Да, и это печально, — согласился Румэндил. — Однако теперь всё же ты в некотором смысле будешь жить вечно. Точнее, очень-очень долго.

В этот момент тело Санчо забилося в конвульсиях, руки и ноги заскребли по палубе. Румэндил с сожалением посмотрел на агонию и перевёл взгляд на подчинённых:

— Думаю, мы узнали всё, что могли. Уходим. Надо сообщить нашим — возможно, удастся перехватить горных с короной по пути в Австралию. Впрочем, я в это почти не верю, но попытаться стоит.

Лаэгор, всё ещё в перчатках и фартуке, кивнул на трепыхающееся тело:

— А с этим что?

— Руби голову, — приказал Румэндил. — Некогда ждать, пока медуза выползет сама. Сожрёт мозг — вылезет. Уходим. Дорога каждая минута.

Лаэгор кивнул, вытащил из-за пояса кинжал и, ухватив Санчо за волосы, несколькими быстрыми и точными движениями отделил голову от туловища. На лице покойника продолжали сменяться причудливые гримасы. Голова отправилась в контейнер, Лаэгор закрыл крышку, убрал всё в ящик, и все трое покинули шхуну. Эльфийский корабль немедленно поднял паруса и устремился в открытое море.

На опустевшей палубе, где только что состоялся допрос мертвеца, воцарилась тишина. Даже обезглавленное тело Санчо затихло. Единственными свидетелями происходивших здесь чудес остались чайки, которые уже присмотрели себе поживу и явно рассчитывали встретить восходящее солнце обильным завтраком.

Глава 3: Королева эльфов

...«...искренне любящий вас, ваш внук Алессандро Фальконе» — закончила читать письмо донья Элеонора и в ужасе подняла глаза на мужа.

Тот стоял бледный, словно окаменел. Лишь глаза, нервно подрагивая, выдавали, что он жив. Наконец он пошевелился и произнёс глухим, сорванным голосом:

— Мы переживём это, любимая. А кем бы ни был этот Алессандро, он заплатит за наше унижение. Клянусь спасением души, он заплатит ещё на этом свете. Вызови доктора де Авила. Немедленно!

— Сию минуту, — прошептала донья Элеонора, но муж уже не слушал.

— Я в кабинет.

Дон Хайме вышел стремительно, и на лице его застыла маска лютой, холодной ярости. Он почти бегом миновал коридор, резко отворил дверь кабинета, вошёл и запер за собой засов. Не мешкая ни мгновения, подошёл к шкафу, отодвинул его, снял с шеи ключ, несколько раз провернул в замке потайной двери и шагнул в сокровищницу.

Он сразу направился к ларцу, где хранилась корона, поднял крышку.

Короны не было.

Дон Хайме закрыл глаза и сделал несколько глубоких, медленных вдохов, пытаясь обуздать бешенство, кипевшее в груди.

— Ты заплатишься за это, щенок, — прошептал он едва слышно. — Клянусь Девой Марией, жестоко заплатишься.

Равнодушно скользнув взглядом по уменьшившимся грудам золотой и серебряной посуды, он развернулся и вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

Вход в фамильную усыпальницу освещал факел, который держал слуга. Дон Хайме приказал ему вставить факел в специальный держатель и велел выйти, оставив с доктором наедине.

— Игнасио, — сказал он, пристально глядя на старого друга, — то, что ты здесь узнаешь, должно остаться между нами. Ты обещаешь?

— Дон Хайме, мы знаем друг друга много лет. Я никогда не давал повода усомниться в своей порядочности и, поверьте, не дам и впредь. Клянусь честью, что не пророню ни слова.

— Ты знаешь, что недавно мы с Элеонорой неожиданно обрели внука — Алессандро — от нашей пропавшей дочери Анны. Нам не было суждено увидеть её живой. Он привёз её тело, и теперь она обрела покой в фамильной усыпальнице. Ты помнишь её ещё ребёнком. Мне нужно, чтобы ты точно ответил: её это тело или нет? Делай что хочешь, но я должен знать правду.

— Хорошо, дон Хайме. Я выясню это.

Доктор подошёл к гробу, в котором пока лежало тело, ожидая изготовления достойного саркофага для представительницы одной из знатнейших фамилий королевства. Дон Хайме отвернулся, не желая смотреть на то, что сделали время и тлен с его дочерью.

Наконец доктор закончил осмотр и подошёл к старому гранду.

Дон Хайме повернулся к нему и вопросительно поднял бровь. Доктор отрицательно покачал головой.

— Нет, это не она. Как вы помните, Анна в детстве упала с лошади и сломала ногу. Перелом сросся, но не идеально — хотя хромота и была практически незаметна. Я осмотрел женщину, что здесь лежит: на кости никакого старого перелома нет. Она очень похожа на Анну, но это не она.

— Благодарю, Игнасио. Помни: это тайна. Пойдём, мне нужно отдать несколько распоряжений и переговорить с одним важным лицом.

Ночью дверь в сокровищницу вновь открылась. Дон Хайме поставил на стол тяжёлый серебряный подсвечник с тремя свечами и убрал со столешницы всё лишнее. Затем подошёл к неприметному металлическому ящичку — несмотря на простоту отделки, ряд деталей сказал бы знатоку, что его сделал эльфийский мастер высочайшего ранга. Мужчина приложил к нему ладони и, подождав, пока металлу передастся тепло его рук, прошептал несколько слов на незнакомом языке. Изнутри раздался тихий гул, и через некоторое время ящик раскрылся.

Он достал из него тяжёлый шар из чёрного обсидиана. Внутри, в самой глубине, начинал пульсировать слабый, едва заметный свет. Дон положил палантир в центр стола на специальную подставку из чёрного дерева и начал мелом вычерчивать на столешнице знаки вокруг него.

Казалось бы, простая работа, но она давалась дону Хайме нелегко: он тяжело дышал, на лбу выступила испарина, руки дрожали, когда он выводил последние руны. Наконец он положил ладони на палантир и закрыл глаза.

Сначала он увидел во мраке чьи-то глаза. Огромные, тёмные, с серебристыми искрами в глубине. Они смотрели на него сквозь пространство. Потом проступило лицо — бледное, прекрасное, ничуть не изменившееся, хотя минуло уже много лет с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Дон Хайме? — голос королевы звучал ровно, но с лёгким оттенком удивления. — Приветствую вас. Приятно удивлена.

— Ваше Величество, — аристократ склонил голову в почтительном поклоне, насколько позволяла магическая связь. — Примите моё глубочайшее почтение. Я счастлив видеть вас в добром здравии, а ваш народ — процветающим под вашей мудрой рукой. Да будет мир и согласие в Эрин Линд.

— Благодарю, дон Хайме, — Келебриан чуть склонила голову в ответ. — Надеюсь, с вашим королём и вашими близкими всё в порядке и вам не требуется наша помощь? Или, быть может, вы передумали и решили принять моё предложение? Не скрою, ваши полководческие таланты нам были бы очень полезны.

— Спасибо, Ваше Величество, за высокую оценку моих скромных заслуг, но причина, по которой я решился вас побеспокоить, совершенно иная.

Королева посмотрела вопросительно. Дон Хайме негромко кашлянул — было видно, что ему нелегко произносить слова, которые он собирался сказать.

— Я бы хотел признаться... — он явно замешкался, подбирая выражение. Наконец решился: — Это я нашёл, скрыл и... не знаю, как точнее... похитил корону горных эльфов.

Королева Келебриан несколько секунд смотрела на человека с удивлённым видом, затем на её губах мелькнуло подобие улыбки.

— Дон Хайме, вы умеете удивлять. Хотя, учитывая, как вы равнодушны к искусству — особенно к ювелирному, — следовало бы догадаться. Как же вы это провернули? Вы же всё время были вместе со мной.

— Перед переговорами король Орофер, возможно что-то заподозрив, отправил несколько человек из свиты обратно к своему войску вместе с короной. Но им не повезло: они случайно нарвались на наш разъезд и были убиты. Корону доставили ко мне. Подержав в руках это чудо, я понял, что хочу любоваться им всегда, и не стал рассказывать вам о находке.

— Что ж, понятно. Эта корона — действительно выдающееся произведение древних мастеров. Как я понимаю, вы решили признаться по какой-то важной причине. Корона ещё у вас?

— Нет, Ваше Величество. Короны у меня больше нет. Прошлой ночью её украли.

— Это плохо. Очень плохо. Уверена, вы просто не представляете, насколько это важный артефакт. Его обладание позволяет оказывать огромное влияние на расстановку сил во внутриэльфийских взаимоотношениях. Как произошла кража?

— Несколько дней назад в моём доме появился юноша, представившийся Алессандро Фальконе, сыном моей давно пропавшей дочери, которую мы все считали погибшей. С собой он имел гроб с её телом. На меня и мою супругу он произвёл самое благоприятное впечатление. У нас даже мысли не возникло, что он не тот, за кого себя выдаёт, и что у него есть какие-то преступные намерения. Однажды, во время беседы, я признался ему, что обладаю короной, и показал её. Следующей же ночью он исчез, прихватив корону и немалое количество моего золота. Впрочем, он оставил письмо, в котором просит прощения и объясняет свой поступок патриотическими чувствами: дескать, ценности ему нужны для покупки боевого корабля, чтобы сражаться с турками. Далее произошло несколько событий, которые заставляют предположить, что он не просто алчный и дьявольски хитрый мошенник, а что здесь замешаны эльфы.

При этих словах лицо королевы стало мрачнее, словно на него набежала тень.

— Продолжайте, дон Хайме.

— Сегодня утром в море была найдена шхуна этого Алессандро на которой прибыл в город. На ней — три трупа: двух матросов и слуги, с которым злодей пришёл в мой дом. У последнего не было головы. Но главное не это: срез шеи имел странный голубоватый оттенок. Сейчас шхуна в порту под охраной, я велел никого не пускать на борт.

— Это всё?

— Нет, Ваше Величество. Рыбаки, промышлявшие в ночь похищения, утверждают, что видели два судна, которые проплыли мимо них с большой скоростью. Сначала одно, а примерно через час — другое. Судя по описанию, это суда эльфийской постройки.

Келебриан сосредоточенно задумалась. Потом пристально посмотрела в глаза мужчине и твёрдо произнесла:

— В самое ближайшее время к вам придут. Вы расскажете всё, что знаете, и, если потребуется, надеюсь, окажете всю возможную поддержку.

— Да, Ваше Величество.

— Ситуация серьёзная, дон Хайме. Не знаю, кто именно похитил корону — горные или степные, — но я приложу все усилия, чтобы завладеть ею сама.

— Ваше Величество, — дон Хайме чуть помедлил, — хотел бы попросить о небольшом одолжении.

— О каком?

— Я бы хотел переговорить лично с этим вором — Алессандро, или как там его зовут на самом деле.

— Хорошо, дон Хайме. Если это будет в моих силах, вы получите такую возможность. А сейчас прощайте. К вам скоро придут.

— Всего доброго, Ваше Величество. Да хранят вас светлые силы.

Связь оборвалась.

Дон Хайме открыл глаза и опёрся руками о стол. Он тяжело дышал, словно только что выдержал долгую и трудную схватку с сильным противником. Поверхность стола вокруг амулета почернела, и от неё поднимался едва заметный дымок. Мужчина убрал палантир на место, тщательно стёр со стола все знаки, провёл рукой по влажному лбу и вышел из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

Глава 4: Японские эльфы

Япония, 1652 год. Тайная резиденция короля японских эльфов.

Солнце клонилось к закату, окрашивая сад и строения в тёплые, медовые тона. Стройный красивый мужчина с длинными струящимися по плечам белыми волосами, сидел на веранде большого дома, поджав под себя ноги в традиционной позе. Его кимоно из красного шёлка с серебристым узором бегущих волн было сшито по японскому образцу, но тончайшая вышивка на воротнике повторяла эльфийские руны — знаки защиты и силы. Рядом на полированном столике стояла чашка с зелёным чаем, от которой поднимался лёгкий пар.

Это был Таллиандор — глава японских эльфов, нашедших на островах убежище после переворота в Австралии тысячу лет назад. Для самих же японцев он стал прообразом Содзёбо — легендарного короля тэнгу, повелителя горы Курама, наставника самого Минамото-но Ёсицунэ, величайшего полководца Японии, и, как шептались посвящённые, учителя первых ниндзя. Для внешнего мира — мифическое грозное божество, длинноносый демон, повелевающий воронами и ветрами.

Его соратники, эльфы, присвоили ему титул короля Японии. Четвёртого королевства эльфов на планете. Королевства, которого не видели люди, но которое существовало — в тенях гор, в тайных убежищах, в сердцах тех, кто называл себя Детьми Пустоты — по-эльфийски «явемуси». Японцы же знали их как тэнгу.

Тэнгу, по поверьям, обитали в глубине лесов, носили одежды монахов-отшельников ямабуси и обучали избранных людей тайным боевым искусствам. Из людей только посвящённые знали, что за этими легендами скрывается удивительная реальность.

Содзёбо, так его уже давно предпочитали звать даже эльфы, неотрывно смотрел на тренировочную площадку, расстилавшуюся перед верандой дома, который был странным, почти невозможным гибридом. Мощные, потемневшие от времени кипарисовые столбы, поддерживающие тяжёлую черепичную крышу с загнутыми краями, кричали о Японии. Раздвижные перегородки сёдзи, оклеенные рисовой бумагой, пропускали мягкий, рассеянный свет. Татами на полу были безупречны, их золотисто-зелёный оттенок говорил о свежести и высоком качестве тростника.

Но стоило присмотреться внимательнее, и иллюзия чисто японского жилища рассыпалась. Бумага на сёдзи была не простой, а словно пронизанной тончайшими серебряными нитями, которые в полумраке слабо мерцали, складываясь в плавные, текучие знаки эльфийской вязи. Деревянные балки под потолком были украшены резьбой, изображавшей не драконов или хризантемы, а сцены из жизни далёкой Австралии: исполинские эвкалипты, чьи корни оплетали скалы, стада гигантских сумчатых, бредущие по бескрайним равнинам. В токонома — декоративной нише — вместо традиционного свитка с каллиграфией стоял ларец, формой напоминавший одновременно и стилизованный цветок лотоса, и сложенные крылья летучей мыши. В нём под магической защитой хранился палантир — кристалл, использовавшийся для связи на больших расстояниях.

Эльф медленно поднёс к губам чашу — грубую, керамическую, в стиле ваби-саби, с неровной глазурью и трещинкой, бегущей по краю. Искусная несовершенство. Чай был терпкий, маття, взбитый в густую пену. Медитативная подготовка, медленное вращение венчика тясэн, аромат порошка, превращающегося в нефритовую жидкость, — всё это успокаивало и настраивало на созерцательный лад.

На площадке, разделившись на пары, занимались двенадцать учеников. Восемь из них были людьми — детьми глав подчинённых кланов ниндзя, отданными на обучение. Четверо — эльфами, волосы которых отливали серебром, медью и чёрным агатом, уши были скрыты под шапками волос или повязками-хатимаки. Рядом с ними стоял их преподаватель, высокий,

стройный юноша с такими же, как у Содзёбо, белыми волосами. Это был его сын, наследник клана — Турион, что на древнем эльфийском наречии означало «рождённый для власти».

«Да, для власти! — думал король. — Я не случайно дал тебе такое имя, мой сын. Мы завершим то, что предназначено, и вместе вернём эту планету её истинным правителям — эльфам. Сначала наша семья воцарится в королевстве горных эльфов Эред-Нимрайс. Благо этот выскочка Орофер был настолько глуп, что позволил себя взорвать. Карнион же не обладает даже его талантами и к тому же не имеет короны — символа власти, которая пропала при гибели его предшественника. Подчинение двух других королевств будет лишь вопросом времени».

В это время Турион, в чёрном монашеском облачении ямабуси, ходил между учениками. Его голос звучал тихо, но при этом отчётливо.

— Сегодня отрабатываем «бесшумный шаг», — говорил он. — Вы должны стать тенью, слиться с воздухом так, чтобы ваш противник не услышал ваши шаги даже на расстоянии вытянутой руки.

Он подал знак, и две фигуры — эльфийка и маленький мальчик — вышли в центр площадки. Её границы обозначали невысокие камни, поросшие мхом, а землю устилал мелкий гравий, специально выровненный, чтобы каждый шаг оставлял след. Турион достал из-за пояса небольшую бамбуковую палочку и бросил её на камешки.

— Перешагните через неё, не издав ни звука, — сказал он. — Не оставив следа. Потом пройдите от того камня до этого.

Ученики замерли, оценивая расстояние. Эльфийка, тонкая и гибкая, чуть согнула колени, перераспределяя вес. Её ступни касались гравия так легко, словно она весила не больше пуха. Она ступила — и не раздалось ни шороха. След на земле был едва заметен. Она шла плавно, перекатываясь с пятки на носок.

Мальчик попытался подражать. Он ступил осторожно, но гравий под его ногой всё же издал лёгкий хруст. Наставник нахмурился, но не остановил. Второй шаг был лучше, третий — почти бесшумен. Ученик напряжённо следил за своей походкой, и к концу дистанции его лицо покрылось испариной. Следы остались заметнее, чем у эльфийки, но всё же неглубокие.

— Плохо. Ты слишком сильно давишь на носок, — сказал эльф. — Ступня должна касаться земли одновременно всей подошвой, но вес распределён так, чтобы не создавать давления. Ещё раз.

Содзёбо, наблюдая с веранды, чуть заметно кивнул.

«Учись повелевать, сын, — думал он. — Будь строг, а когда нужно — то и жесток. Вместе мы воплотим то, что задумал ещё король Каламон. Он хотел открытого доминирования, чтобы эльфы правили людьми, как пастухи правят стадом. Но Совет Старейшин, погрязший в созерцании и гармонии, отверг его идеи и предательски убил, чтобы замкнуться в Австралии. Но мы, сторонники Каламона, самые непримиримые, самые отчаянные, не смирились. Погрузили на корабли-бабочки всё, что могли, — оружие, знания, артефакты — и уплыли в неизвестность».

На площадке перешли к отработке метания металлических пластин — «звёзд». На деревянном щите были нарисованы круги-мишени. Подросток-японец, бледный и молчаливый, метал звёзды с вращением, заставляя их лететь по дуге, огибая воображаемое препятствие. Они воткнулись в щит, поразив центр мишени.

— Хорошо, — сказал подростку Турион. — Но в бою важна не только точность, но и скорость. Ты должен метнуть звезду прежде, чем враг успеет моргнуть. Повтори — быстрее.

— Да, учитель, — юноша легко поклонился и с ещё большим упорством продолжил тренировку.

Содзёбо смотрел на сына, и в его груди боролись два чувства. Гордость за его мастерство и тревога.

Турион был талантлив. Очень талантлив. И в нём горел тот же огонь, что и у Каламона. Огонь нетерпения, желания действовать, а не ждать. Он не понимал, почему они, обладая такой силой, должны скрываться в горах на краю мира, притворяясь монахами и лесными демонами. Почему они не выйдут открыто и не подчинят себе хотя бы Японию? А потом, конечно, и весь мир.

Содзёбо понимал его, он и сам когда-то был таким. Но столетия, прожитые среди людей, научили его главному: терпение — это не слабость. Это самая грозная сила. Вода точит камень не силой удара, а постоянством. Дуб растёт медленно, но живёт тысячу лет, в то время как рис вырастает за сезон и так же быстро отмирает.

Эльфы живут долго. Очень долго. И их главное преимущество — время. Они могут позволить себе ждать, планировать, плести сети, которые принесут плоды через века. Люди же торопятся, потому что их жизнь коротка, как полёт мотылька. В этом их слабость и их сила. Они не обладают эльфийским чувством равновесия, их мышцы реагируют медленнее, а кости хрупче. Но в них живёт огонь, неукротимое стремление превозмочь свои ограничения, и это пламя, если его правильно направлять, делает их опасными. Очень опасными.

Ещё несколько десятилетий назад эльфы Японии, оторванные от своей цивилизации, были лишь маленькой группой фанатиков, которые сохранили только крупницы былой силы. Они даже не могли продолжить свой род! Секрет снадобья и ингредиенты для трансформации тел, гормонального толчка, запускавшего половое развитие, остались в далёкой Австралии. Но, действуя исподволь, с холодным расчётом, нанося разящие удары, они добились своего. Враги в Австралии были вынуждены пойти на уступки и передать технологию и компоненты.

Теперь у Детей Пустоты есть свои дети. Впервые за несколько тысяч лет молодые эльфы воспитываются не в интернатах, а в семьях, как когда-то давно, даже по эльфийским меркам, на погибшей прародине. Воспитывают не идеальных подданных, а будущих повелителей планеты. Содзёбо с женой сами ежедневно учат сына не только боевым искусствам и магии, но и искусству управлять народами. Туриону уже минуло сорок лет — по эльфийским меркам, ещё подросток. Он был высок, строен и двигался с той же кошачьей грацией, что и его отец. Лицо принца с тонкими чертами и огромными тёмными глазами могло бы казаться женственным, если бы не жёсткая линия подбородка и упрямый изгиб бровей.

На площадке Турион дал знак, и с двух сторон площадки выкатились «цели» — деревянные манекены на колёсах, которые помощники тянули за верёвки, создавая хаотичное движение. Ученики должны были попасть в них, и звёзды начали вонзаться в древесину.

Содзёбо позволил себе редкую, едва заметную улыбку. Он вспомнил, как сам много веков назад учил этим же техникам первых человеческих детей, пришедших к нему в горы или даже похищенных у их родных. Тогда они с трудом овладевали знаниями, приспособивая их к своему, так похожему, но всё же не эльфийскому телу. Теперь их внуки двигались почти как эльфы. Почти. Искусство, которое они создавали вместе, люди называли ниндзюцу — путь воина-тени.

Король отпил чай и поставил чашку на столик. Сегодня он наблюдал, как эльфы и люди вместе постигают боевое искусство. Искусство, рождённое на стыке двух миров, двух кровей и одной цели — выжить и победить.

Его взгляд скользнул по тренирующимся. Они перешли к отработке ухода от захвата. Два эльфа и два человека кружили друг вокруг друга, пытаясь схватить противника за запястье и тут же вывернуться. Это напоминало танец — плавные, круговые движения, неожиданные смены уровня, захваты, которые в реальном бою ломали бы суставы. Но здесь всё было вполсилы, только для отработки техники.

Один из японцев, коренастый и крепкий, по приказу Туриона схватил его за рукав. Принц не стал вырываться — вместо этого он резко присел, пропустив рывок противника по инерции, и, используя его же силу, перебросил через бедро. Ученик оказался на лопатках, глядя в небо.

Наставник подал ему руку, помогая встать, и они обменялись короткими фразами на японском — видимо, объясняя приём.

На веранду бесшумно ступил рыжеволосый эльф в простом тёмном кимоно. Он приветственно поклонился и прошептал:

— Командир, новости из Европы. Нашлась корона Эред-Нимрайс. Люди Карниона везут её в Австралию.

Содзёбо не стал скрывать радости и радостно улыбнулся. Потом поднялся, ещё мгновение смотрел на сына, который теперь показывал, как стоять на одной ноге на гладком бревне, одновременно метая сюрикены в мишени.

— Отличная новость, — ответил он помощнику. — Приготовь палантир, мы начинаем охоту. Также сообщи нашим людям в Ига и Кога, что нам нужна их служба. Пусть пришлют своих лучших бойцов.

Король тэнгу перевёл взгляд на запад, туда, где за горами лежало море, а за морем — далёкая Австралия. Скоро его сыну предстоит покинуть это тихое убежище и отправиться в мир, где решается судьба их народа. Дети Пустоты напомнят своим австралийским сородичам, что они существуют. И что у них есть свои планы на этот мир.

Глава 5: Испанский меч в эльфийской руке

На узкой улочке города Аликанте в тёмной подворотне притаились трое мужчин. От них сильно воняло чесноком, невымытыми телами и перегаром — букет, от которого сдохла бы даже крыса. Одежда тоже знавала лучшие времена: камзолы в пятнах, штаны с заплатками, башмаки с дырявой подошвой, из которой выглядывали грязные пальцы. Цель у них была проста и незамысловата: дожидаться припозднившегося путника и забрать у него всё ценное. Насколько при этом пострадает здоровье несчастного — вопрос случая и его благоразумия. При безропотном подчинении шансы пережить встречу были достаточно высоки.

— Слышь, Копчёный, нахрена мы сюда припёрлись? — раздался шёпот одного из бандитов, того, что помоложе, с редкой рыжей бородёнкой и гнилыми зубами. — Надо было у порта работать. Давно бы уже какого-нибудь пьяного матроса выпотрошили.

— Там бы нас стража уже давно выпотрошила, — прошипел в ответ Копчёный — коренастый мужик с обрубок вместо левого уха и шрамом через всю щёку. — Ты же знаешь, все на ушах стоят с этой чёртовой шхуной с дохлыми. Жди и не скули, без тебя тошно. Сейчас дождёмся доброго самаритянина, который во славу божью поделится с нами толикой своего богатства, чтобы мы могли выпить за его здоровье. Или за упокой его души, это как получится.

— И лучше бы ему не задерживаться, — вмешался третий, тощий и сутулый, с лицом, напоминающим хорька. — А то я начинаю злиться, и если он не появится в течение получаса, я сразу отправлю его в гости к святому Петру.

— Тихо вы, разорались, — оборвал их шёпотом Копчёный, прижимаясь к стене. — Кажется, кто-то идёт.

Мужчины замерли, вжавшись в стены домов по обе стороны улочки. В тусклом лунном свете, пробивавшемся сквозь рваные облака, показался силуэт. Мужчина среднего роста, в широкополой шляпе, надвинутой на глаза, и длинном тёмном плаще. Шёл он быстрым, уверенным шагом — так ходят люди, которым нечего бояться.

Едва он приблизился к троице, как грабители выскочили из укрытия, преградив ему дорогу. Длинные навахи, больше похожие на мечи, чем на ножи, красноречивее любых слов говорили о том, что лучше отдать всё по-хорошему. Лезвия тускло блеснули в лунном свете.

На прохожего это не произвело никакого впечатления. Не замедляя шага, он неуловимым движением из-под плаща выхватил оружие. Это был двуручный меч. Грабители не успели даже охнуть.

Молниеносный удар снизу вверх — и ближайший бандит потерял руку вместе с половиной черепа. Бездыханное тело повалилось на мостовую, орошая всё вокруг кровью. Наваха, выпав из отсечённой руки, взлетела, кувыркаясь, высоко в воздух. Нож ещё не успел упасть на камни, как клинок прохожего продолжил свой путь, перерубив горло второму бандиту. Короткий взмах — и третий присоединился к своим подельникам с раскрытым черепом. Всё заняло от силы две-три секунды. Об окончании схватки возвестил только звон навах, покотившихся по камням.

Путник, даже не удосужившись взглянуть на дело своих рук, стряхнул кровь с клинка, убрал его в ножны под плащом и продолжил путь столь же уверенным шагом. На мостовой остались три тела и всё увеличившиеся тёмные лужи крови.

Преодолев без приключений несколько кварталов, где ему не попалось ни одной живой души, город словно вымер, не было слышно даже собачьего лая, — он подошёл к особняку дона Хайме. Ворота были массивные, дубовые, окованные железом, с бронзовым кольцом в пасти льва. Путник постучал несколько раз — глухо, размеренно. Воплощённый ужас местных бандитов собрался ждать реакции хозяев.

Однако практически сразу в воротах открылось небольшое окошко, забранное частой решёткой, откуда поинтересовались, что сударю нужно. Ночного гостя явно ждали. Узнав, что у него встреча с самим хозяином дома, слуга засуетился, и в воротах отворилась калитка. Мужчину пустили внутрь.

В сопровождении одного из слуг с фонарём — старый, седой мажордом в чёрной ливрее, двигавшийся бесшумно, как привидение, — он пересёк внутренний двор, вымощенный каменными плитами, поросшими мхом. Прошёл мимо старого колодца и чахлого апельсинового деревца, после чего оказался у не приметной двери. Далее последовала небольшая прогулка по тёмным коридорам дворца, где масляные лампы отбрасывали прыгающие тени на стены, увешанные старыми гобеленами. Запах воска, ладана и чего-то ещё — вековой пыли, что ли, — стоял в воздухе. Прогулка завершилась в кабинете, где уже ждал хозяин дворца.

Гость снял шляпу и поздоровался.

— Дон Хайме, очень рад видеть вас в добром здравии.

— Принц Элронд?! — старый гранд привстал из-за стола, и на его лице отразилось искреннее удивление. — Вот уж приятная неожиданность, Ваше Королевское Высочество. Очень рад вас видеть в моём доме. Не ожидал, не ожидал. Ваша матушка не предупредила, что это вас я жду в гости. Простите за более чем скромный приём, недостойный вашего высокого титула.

— Ну что вы, — принц сделал примиряющий жест рукой — тонкой, изящной, с длинными пальцами, которые, однако, только что направляли тяжёлый меч с убийственной точностью. — Наше дело требует тишины. Поэтому благодарю за добрую встречу.

Дон Хайме показал эльфу на стол, где их ждали лёгкие закуски: тарелка с оливками, вяленая ветчина, овечий сыр, кувшин с вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.